

К весенней музыке

I.

Издали начинаю,
Не обмолвиться ли мне,
Что отдушину хмельная
Приоткрылась при луне?

В душах что-то надорвалось —
То ли небыль, то ли боль,
И напряживает жалость
Лунных бликов канифоль.

В душах что-то надломилось —
То ли ветка, то ли свет,
Но оправдываем милость,
Ну а ей пределов нет.

В душах что-то отворилось,
Закружилось, как жара,
Как дитя, зашевелилось —
И теперь уже пора!

То ли Моцарт поселился
В этом сердце, как в гнезде,
То ли небу изумился,
Чтоб искать его везде.

В этих лужах да разводах
Подмигнёт оно потом —
Значит, в наших небосводах
Добывается с трудом.

Лучше голову закину
Да губами прикоснусь —
До чего же ломит спину! —
Знать, уверю, вернусь.

По хребту в поту горячем
Ощутима ты всегда,
Незаметна лишь незрячим,
Нашей музыки звезда!

Изначальнее причалов
К нам протянуты смычки,
Чтобы чувство привечало
Над течением реки.

Что за Стиксовы пороги
Да химерный Ахерон,
Если ангелы и боги
Окружат со всех сторон!

Мне языческие чаши
Для того даны судьбой,
Чтоб сияла вера наша
Надо мной и над тобой.

Чтоб изнеженнее жёнам
Вырастал любви цветок,
Встану с ликом обожжённым,
Отопью воды глоток.

Возле косного истока
Им, единым на веку,
Шепот Юга и Востока
Шёлком истинным истку.

В неразумности шаманства
Закипит из синевы
Инкрустация пространства
Шевелением листвы.

Изобиловали боли —
Обовью их, как ручей,
Словно дали в Диком поле,
Изреченьями ночей.

Именуемой минутой
Мы насыщены сполна —
И прекрасна потому-то
Интуиции цена.

II.

Очи долу опуская,
Ну-ка, Шуберт, шепотком
Расскажи на грани края,
С кем ты коротко знаком.

Знаю, знаю: там, налево,
Кознодействуют кусты —
И величие напева
В том, что сам он — это ты.

Не грусти же, стриж мой венский!
Не столица в том виной—
Пусть она улыбкой женской
Одарит тебя весной.

Век напрасно надрывался—
Ты и сам его принёс
Для смущающих сквозь вальсы
Вечных мельничных колёс.

Нет на свете состраданья
Тем, в чьём сердце, как пчела,
Еженощные желанья
Пьёт не молодость, а мгла.

Насмотрелся в зеркала ты,
Манускрипты искромсав,—
Оттого-то и хвала-то,
А не просто—ледостав.

Испытующе шумяща,
Привлекла тебя листва—
И вода струилась чаще,
Чем кружилась голова.

В этой вещи круговерти
Точат казни остриё—
Но, однако, нету смерти,
Если с нами—бытиё.

III.

Где загубленное благо
Состраданьем не вернёшь,
Пробуждается отвага,
Хоть веди её под нож.

Только даже под нажимом
Гибче ласки и лозы,
Дышит в неопровержимом
Приближении грозы.

Точно жертвенная чаша
Опрокинута рукой,
Чтобы шествовали краше
Хрипота и непокой.

Где заглазным пересудам
Надо ставни открывать,—
Набродившимся повсюду,
Нам-то нечего скрывать!

Нас не схватят и не слышат
Там, где мера, как слеза,
Загребущие ручищи,
Завидущие глаза.

Оттого ли, как подмога,
Запрокинута листва?—
Запредельная тревога,
Заговорные слова.

Где раскинуты потише
Задушевности мосты,
Там и мы бродили свыше—
И прищурился ты,

И была тоска уступки
Заклинательницей змей—
Но без права на поступки
Задевать её не смей.

Домовиты идиомы,
Как привычки у крестьян,—
Ты опять остался дома,
Семизначный Себастьян.

Каждый звук в небесной гамме
Был отчётлив и велик,
Точно почва под ногами,—
До того к нему привык.

Как заласканные дети,
Эти звуки извели,
Перед ними ты—в ответе,
Пред тобой они—вдали.

Мне виднее не напрасно,
Где замаливать грехи—
Это сказано прекрасно
У Матфея и Луки.

Это читано запоём—
Что же! Вместе запоём—
Для того и дан обоим
Этот вешний окоём.

Возвышаясь и скитаясь
Во спасении дневном,
Пред Тобой, Господь, склоняюсь,
Певчий в хоре неземном.

Зимние цветы

I.

Вот роза белая— для встречи золотой,
И роза алая— от Матери Небесной,
И всё, что зимнею зовётся красотой,
Преобразит привет Её чудесный—
Её улыбкивы скорбящие уста
Хотя б на миг сегодняшнего взгляда,
В них сокровеннее открыта высота,—
И рвутся к ним цветы сии из сада.

II.

Ромашки снежные расправят лепестки
Над сердцевиной солнечного круга,
Чтоб те слова, что были так близки,
Не замела непрошенная вьюга,
И флоксы пряные затеют карнавал
Меж суеверий, ставших незабвенней,—
И там, где сроду я смущённой не бывал,
Настанет час для откровений.

III.

Как некогда загаданная даль
Глаза сощуришь ныне заставляет,
Где, имени туманнее, печаль
Голубкой кроткой прилетает,
Сей день подьмет звёзды хризантем
Судьбе в подарок и в благословенье,
Чтоб оправдать понятное не всем
Непостижимое горенье.

IV.

Всечеловечного мы ищем языка,
Рукой касаемся незыблемых понятий,
Чтоб образ верности пришёл издалека,
Не ускользая из объятий,
Чтоб восприятия широкое крыло
Оберегало и хранило
Всё то, что к сердцу сразу подошло
И душу гордую пленило.

V.

Покуда теплится заветная свеча,
И согревает, и тревожит,
И весь огонь подобием луча
Остаться в музыке пытается, быть может,
И нет на свете горькой пустоты,
Но всё заполнено и жизнью, и движеньем,—
Пусть эти зимние поющие цветы
Твоим земным пребудут продолженьем.

Присутствие Галактиона

I.

Где образ мира связан навсегда
С небесной безупречностью потери—
И ты неподражаем, как звезда,
А на земле постигнет это Мери—
Но поздно!— без возврата и надежд,
Без нежности, растерянной и дикой,—
И нет на свете горше милых вежд
Невесты, наречённой Эвридикой,
И нечего оглядываться: там
Полынный стон да ночи звёздный храм.

II.

Я слышу колокольный разговор:
Забудься— смилуйся— оставь земле хоть слово
Как будто эхо выдышано с гор
Величьем памяти, несущей там дозор,
Где не найти свидетеля другого,—
И временем, рассыпавшим песок,
Струится прошлое— обиды и утраты,—
И непокорности стекает горький сок,
Янтарной накипью растаявший когда-то,
Покуда был, как голос, одинок.

III.

Есть птичий Бах— прислушайся порой
К неведомому рядом, за чертою,
Ребёнком в горести глаза свои открой,
Премудрость имени скрывая за игрой
И правду— за наивною мечтою,—
Ещё останутся следы на берегу—
Смотри внимательней— природе не стереться!
Кто мыслит музыкой— у жизни не в долгу,—
Он с чашей поднятой, как в дружеском кругу,
Встаёт к звёздам, чтоб жаром их согреться.

IV.

Где книга есть, открытая всегда,
Зовущая пророческой страницей,
Душой неукротимого труда
И верностью, вернувшейся сторицей,
Заполнившей дрожание уста
Подобно нескончаемому зову,—
Присутствует меж нами красота,
Тропинки указующая к слову,—
И ангелы в сиянье золотом
Поведают о спутнике святом.

ДЫМ ДОЖДЯ

I.

Дым дождя над туманом садов—
Это грустное зрелище капель,
Воплощенье июня, что запил
Горечь слёз покаяньем трудов,—
Над прибором таким
По-пластунски ползут самолёты,
В рёве вздрогнув, ненастные ноты
Застилают мой слух, как Пекин,—
Мы ничьи—ни к чему уже счёты,—
Но меня не покинь.

II.

В небесах
Воронья круговая орава,—
То ли справа,
То ли слева прибор в волосах,—
Голоса
Голубей заросли и промокли,—
Поднимают бинокли,
Чтобы впрямь разглядеть чудеса.

III.

Не в глазах
Это зарево участи зрело—
Ты войти не успела
И живёшь, как ребёнок, в азах,
В болтовне
Озарённой листвы и сирени,—
Преклоняю колени,
Да и горестно, грешному, мне.

IV.

Есть в друзьях
Ожиданье момента,
Где разрезана лента
На бегу в полудиких краях,
В полусне,
В полудрёме и боли немилой,
Где дрожит сердоликовой жилой
Пребыванье в ночной тишине.

V.

Подожди!
Эти руки вернее желанья—
Мы себе назначаем страданье,
Сердце бьётся под ветром в груди,
И гостить
В нашей жизни, почти в укоризне,—
Как брести по отчизне,
Где не могут любви запретить.

VI.

Вот и свет—
Вышел Феб, и цветёт Подмосковье,—
Красота добывается кровью
Наших праведных лет,—
Шестикрыл
Серафим, повстречавшись с тобою,—
Мук не скрою,
А Надежде глаза не закрыл.

VII.

Участь сада—во власти людей:
Погляди на безвинные дачи—
Быть не может иначе,
Так бери и владей,
Просветлённой душой холодей,
Белым телом других согревая,—
И когда постигать успеваю,
Не до сцены и не до затей.

VIII.

В жизни есть зачарованный час—
Наши губы зовутся устами—
И тогда открывается пламя,
Словно Спас,
Богоматерь стоит средь толпы,
Обнимая Младенца,
И разрозненных сосен коленца
Вертикально возносят стопы.

IX.

Даже заговор—звёзд уговор,
Преткновенье о камень,
Прославляющий женщину пламень,
Бессловесного счастья укор,
Обретаемый спор лепестков,
Мотыльки с фитильками,
Словно свечи в истоме и драме
Зажжены ипостасью веков.

X.

Где ты, юность? Мне легче с тобой!
Где ты, святость? Мне проще с тобою!
В нашей радости есть голубое
Впереди, за чертой,—
Только ангел не носит вериг,
И в рыдании лиры
Не напрасно является миру
Совершенства даруемый лик.